

Александр Анненский

НАШИ В ГОРОДЕ

Занимательные и поучительные
байки о наших за границей

Александр Анненский
**Наши в городе. Занимательные
и поучительные байки
о наших за границей**

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180588

*Наши в городе. Занимательные и поучительные байки о наших за границей: АСТ, Астрель, Хранитель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-049780-5, 978-5-271-19317-0, 978-5-9762-5699-6*

Аннотация

Сегодня вряд ли уже отыщется хоть одно государство на нашей планете, где ну совсем не было бы наших. Они повсюду – от крохотной деревушки, затерянной в австралийской саванне, до центра мегаполиса по имени Лондон. Сотни, тысячи, миллионы людей разных национальностей, отечеством для которых был и навсегда останется русский язык, разъехались, разлетелись по мировым городам и весям. Наши за границей и стали главными героями этой книги.

Содержание

От себя	4
Если откровенно...	7
Теперь я Чебурашка...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Анненский

Наши в городе.

Занимательные и поучительные байки о наших за границей

*«Проникновение наше по планете особенно
заметно вдалеке...»*

В.С. Высоцкий

От себя

Сегодня вряд ли уже отыщется хоть одно государство на нашей планете, где ну совсем не было бы наших. Они повсюду — от крохотной деревушки, затерянной в австралийской саванне, до центра мегаполиса по имени Лондон. Сотни, тысячи, миллионы людей разных национальностей, отечеством для которых был и навсегда останется русский язык, разъехались, разлетелись по мировым городам и весям, нашли свое место на других континентах, каждый по своим причинам предпочтя поменять заснеженный Новосибирск на городок в штате Теннесси, «ЮЭСЭЙ». Еще вчера не выездная

страна с такой силой и энтузиазмом рванула за внезапно рухнувший железный занавес, что местные западные граждане, дежурившие когда-то у советских диппредставительств с плакатиками в защиту свободы нашего передвижения, в пожарном порядке заторопились огородить себя от хлынувшего потока долгожданных гостей с Востока частоколом из виз и запретов.

Наивные люди, нам ли с нашим бесценным опытом взаимодействия с самым гуманным строем на Земле не суметь обойти все бюрократические барьеры, которые только может изобрести против соплеменников обозленное на них человечество?

В этой увлекательной борьбе за самые уютные места, по праву принадлежащие только нам, но по какому-то странно-му капризу природы оказавшиеся отчего-то на другом конце Земли, вырабатывались свои правила, рождались свои истории, формировался свой, если хотите, фольклор. Опыт общения наших как с аборигенами, так и с прибывшими ранее уже местными «своими», накапливаясь, прямо-таки рвался наружу в обычных и электронных письмах, телефонных беседах, застольных историях.

Сегодня он уже поистине неисчерпаем, и эта книжка лишь одна из первых попыток собрать приключившееся с нашими людьми под одну обложку. У этих текстов со всего мира множество авторов, согласившихся бескорыстно поделиться кусочком биографий – собственных или своих близких – с чи-

тателями. Оставалось только чуть отредактировать наскоро набросанные повествования, уточнить пару абзацев, расставить забытые второпях знаки препинания, слегка поправить стиль или, напротив, постараться его бережно сохранить...

И еще: рассказывая свои простые истории, люди делают это абсолютно свободно, как происходит в обычной жизни при общении с друзьями – не стесняясь использовать всю силу образной, но ненормативной лексики нашего родного «великого и могучего». Исправлять их в данном случае, мне показалось, значило бы взять на себя роль уже не литературного редактора, но цензора. А их в нашей, и так в последнее время опять не очень свободной стране, и без того хватает...

*Ал. Анненский, киносценарист, член
Кинематографистов России
Западная Европа*

Если откровенно...

Вы помните эту историю: на улице стоят два еврея и, оживленно жестикулируя, беседуют о чем-то. На другой стороне наблюдающий за ними третий наконец не выдерживает и, перейдя через дорогу, подходит к ним:

– Слушайте, я, конечно, не знаю, о чем вы тут спорите, но ехать все равно надо...

Вот и все мы как-то послушались третьего и приняли одинажды решение – надо ехать...

И не куда-нибудь на жаркий Ближний Восток, где усатые люди в крапчатых головных платках, отчего-то тоже считающие эту землю своею, время от времени подкладывают в наиболее посещаемые места всякие неаппетитные предметы типа ручных гранат, а именно сюда – в цветущую капиталистическую Европу, под покровительство сумрачного немецкого гения, столь неожиданно вдруг распахнувшего свои объятия предмету своей недавней активной нелюбви. И не стоит твердить – хотя бы самому себе, – что бежали мы из-за сурового государственного антисемитизма, особенно, мол, ярко вспыхнувшего во времена перестройки... Согласитесь, ситуация тогда действительно изменилась. Кроме того, в стране вдруг начала цениться истинная предприимчивость и вместо одного показательного зампредсовмина Дымшица управлять всеми денежными потоками России стали

люди с отчествами, еще недавно вызывавшими кривую ухмылку кадровиков. Да и на бытовом уровне хуже, право, не стало; стало труднее – так ведь всем одинаково...

Но вдруг выяснилось, что любезные немцы по доброте душевной именно теперь решили, что, поскольку таких как мы у них тут по известным причинам осталось не так чтоб много, их правительству не стоит особо возражать, если вы вдруг выразите активное желание соседствовать с местными бюргерами, – то ли в качестве немого укора из прошлого, то ли просто как напоминание, что не все когда-то удалось... Причем, обратите внимание, при этом никто, собственно, никого никуда не приглашал и не уговаривал. Они просто любезно согласились благожелательно рассмотреть вашу настоящую просьбу о постоянном пребывании на их территории. В качестве же знака особого доверия, германцы выразили готовность предоставить приезжающим уникальный статус «континентального беженца», который давался когда-то несчастным вьетнамцам, на утлых джонках улепетывающим от прелестей существования в социалистических субтропических джунглях...

Быстро сообразив, что к чему, каждый из нас недрогнувшей рукой быстренько написал заявление, особо красочно мотивируя обстоятельства, препятствующие его выезду на свою историческую Родину, куда, собственно, и следовало бы направлять свои стопы человеку, резко осознавшему собственную принадлежность к богоизбранному народу... Веж-

ливые немцы, помурывжив полученные бумаги не так чтоб уж и долго – по сравнению со сроками долготерпения следовавших через пустыню за Моисеем, – уже через год аккуратненько вклеили в предъявленные паспорта милые сердцу зелененькие визы с красивыми голографическими орлами, не подозревая, что тем самым выписывают себе рецепт на вечную головную боль...

Очень скоро выяснилось, что, представляя как бы обиженным по месту рождения гражданам разгромившей их когда-то страны практически те же самые права, что и своим собственным, за исключением разве почетной обязанности голосовать и занимать пару-тройку должностей в армии и госсекторе, они не оценили до конца всех различий нашего менталитета, обусловленного – в полном соответствии с вечным учением наших общих соплеменников – опытом бытия...

Обнаружилось, что, начиная в общем-то с одной и той же нулевой точки отсчета – если у кого-то всерьез хватает наглости считать одинаковыми стартовые условия напрочь разгромленного режима и страны, его победившей, – мы за последние десятилетия пришли к совсем разным результатам не только в смысле уровня жизни народонаселения, но и – главное – в менталитете, в сформировавшихся взглядах на взаимоотношения с себе подобными и, собственно, с государством... Можно долго спорить, отчего это произошло, – на мой взгляд, от наличия национального мужества, позво-

лившего одной из двух наций искренне покаяться в содеянном, — но дело не в этом. Важно то, что на немецком острове благополучия, возделанном местными жителями в общем-то для самих себя и своих детей, начали появляться люди с совсем иными целевыми установками. Принципиальная разница состояла в том, что если для аборигена высшей гордостью является провозглашение себя как налогоплательщика, поддерживающего своим трудом усилия властей по созданию нормальных условий функционирования государственных институтов, то для вновь прибывших, привыкших десятилетиями решать прямо противоположные задачи по натягиванию властей, главным оказалось, наоборот, стремление урвать максимум, немало не заботясь при этом не только о моральной стороне дела, но и просто об элементарном здравом смысле...

Приобретя, что называется, «на шару» почти все основные права коренных жителей, которых, кстати, становится все труднее добиться переселяющимся в СВОЮ страну этническим немцам, наши люди искренне уверовали, что именно так и должно, собственно, быть. При этом вопрос о возникающих наряду с правами обязанностях как-то сам собою отпал, точнее, просто не возникал изначально...

«Они нас пригласили — значит, они должны...» — и далее шел список категорических требований, само предъявление которого властям своего недавно покинутого отечества вполне могло бы обеспечить соискателю подробное зна-

комство со всеми особенностями национальной психиатрии. Тут и полная оплата отдельной квартиры с коммунальными услугами, и бесплатное обучение иностранному языку, включая деньги на проезд до места обучения, и оплата всех медицинских услуг, включая стоматологию и дорогостоящие лекарства, бесплатное обучение детей с оплатой их дороги до школы плюс ежемесячные «детские», деньги на одежду, рождественские выплаты, скидки на оплату телефона «унд зо вайтер, унд зо форт»... При этом, получив все это и кое-что еще от слегка ошалевших от напора местных чиновников, наши люди вовсе не удовлетворились свалившимся на них изобилием. Казалось бы, пришла пора наконец «успокоиться и начать жить», как писал Карнеги.

Но не тут-то было...

– Мой муж – участник Отечественной войны, понимаете... Вот документ... – на полном серьезе втолковывает дама на «великом и могучем» несчастному служащему Социаламта. – На каком основании вы отказываетесь оформлять ему такую же пенсию, какую получают тут, в вашей Германии, его ровесники?.. Я сама слышала, что Могилевичам в другой земле дали-таки такую пенсию... Имейте в виду, мы будем писать лично вашему канцлеру...

Затюканный чиновник, мало что понимая, только покорно кивает головой, даже не пытаясь объяснить, что супруг уважаемой посетительницы, как бы это помягче выразиться, конечно, воевал... но... так сказать... с другой стороны

и упомянутых немецких ровесников видел главным образом сквозь прорезь прицела, причем иногда в первый и последний для них раз, а потому логичнее было бы все же адресовать подобные требования властям государства, которое он защищал и гражданином которого до сих пор остается...

Лавина желаний нарастает со скоростью щелкающего таксометра, и если появляется отказ в чем-то совсем уж предельном, это обстоятельство воспринимается с каким-то даже садомазохистским удовлетворением: «ну вот, так мы и знали, чего же еще от этих немцев можно было ожидать...» Когда же, спустя некоторое время, все же выясняется, что в общем все основное, что можно было выбить из принимающей стороны уже выбито или во всяком случае этот благородный процесс запущен и остается только ждать, внимание наших людей переключается с местных госучреждений на житейские будни...

И тогда создается впечатление, что их – НАШИХ – здесь куда как больше, чем местных жителей...

– Соня, иди уже сюда, я тут два места заняла, – громко кричит по-русски на весь огромный полупустой автобус женщина, с трудом пристраивая на обшитое светлой тканью сиденье «альдиевский» пакет с замороженной рыбой и явственно давая локтем понять испуганной немецкой старушечке, что тут ее явно не ждут...

Вокруг большого контейнера с удешевленной обувью, специально поставив свои тележки таким образом, чтобы пе-

рекрыть к нему подход всем конкурентам, уже час с упоением роятся несколько человек, на весь зал обмениваясь впечатлениями по-русски...

В громадном супермаркете у аккуратных деревянных касс с огурчиками шести различных посолов две дамы с формами, оживляющими в памяти известный совет из песни по поводу пропеллера, с нескрываемым удовольствием лакомятся извлекаемыми из рассола огурцами, даже не делая попытки набрать вышеозначенные овощи в предназначенные для этого коробочки.

– Слушай, она уже на нас смотрит... – громко шепчет по-русски своей подруге одна из них, кивая на остолбеневшую магазинную служащую.

– Ну так и что, я еще вот тех не пробовала, и потом она все равно ничего не понимает... – хрустя очередным огурцом, беспечно отмахивается другая.

И, в общем-то, это правда... Окружающие немцы действительно не понимают, как можно, например, встать в очереди в банке вплотную за тем, кто стоит впереди, и с любопытством пытаться разглядеть сумму в чужом денежном переводе или, повернувшись спиной к киоскеру в вокзальном магазинчике, за полдня исхитриться прочитать одну за другой несколько газет на родном языке, а при удаче – еще и умыкнуть домой самый интересный вкладыш... В их головах не укладывается, как люди с высшим образованием, все как один называющие себя главными инженерами и старшими

врачами, могут гордиться полученной социальной помощью, сделав ее сумму главным предметом обсуждения со знакомыми – вплоть до следующей ежемесячной выплаты.

Пока ты не доказал, что ты не такой, – я априори считаю тебя порядочным. К этому принципу, положенному тут, на Западе, в основу любых деловых взаимоотношений, надо привыкать... Изначальное доверие незнакомому человеку автоматически воспитывает в каждом анонимную ответственность перед окружающими за собственные поступки. Именно эта ответственность не позволяет переходить улицу на запрещающий сигнал светофора даже при отсутствии поблизости полицейского и свинчивать жутко дорогие краны в абсолютно пустом общественном туалете... Она же, врожденная, заставляет наших хозяев предполагать, что, выплачивая большие деньги, полученные за счет налогов с работающих соотечественников приехавшим к ним иностранцам, они помогают действительно малоимущим, которые вовсе не успели перед отъездом продать или сдать внаем свою питерскую трехкомнатную квартиру или записать приобретенный уже тут роскошный джип на имя имеющего работу троюродного брата жены знакомого земляка...

При этом никто не требует от нас, оказавшихся тут уже не очень молодыми людьми, глубинной интеграции в чужое общество, развивавшееся совсем по иным правилам и законами. Нам простят, как правило, и наш ломаный немец-

кий, но не хотят, не будут прощать бытового хамства, самоуверенной нахрапистости, наглого стремления урвать, ничего не давая взамен.

Смешно считать устройство жизни окружающих нас немецких обывателей идеальной моделью бытия. Нам никогда не понять коренного обеспеченного немца, требующего от своей российской жены – в целях экономии – ванну принимать раз в неделю и исключительно после него, не выпуская воду, а уж затем уступать там место ее взрослой дочери от первого брака... И это у нас, а не у них недавние книжные тиражи напоминали нынешние немецкие номера телефонов...

Все это так. Но сегодня, тем не менее, не они рвутся на наши просторы – мы попросились и нам позволили приехать в их тесноту! При этом каждый из нас получил тут, в Германии, то, что хотел: кто просто спокойную старость, лишенную страха неожиданно остаться на улице без хлеба насущного; кто оплаченный дом творчества; кто – увы, не часто – реальные новые перспективы приложения собственных способностей... Дети наши, не обремененные в такой степени грузом прошлых привычек, будут жить уже по-другому, они станут для окружающих своими. А пока мы тут все в гостях, не забыть бы завтра утром об этом! И хорошо бы попробовать жить так, чтобы пригласившим нас хозяевам с каждым днем не казалось все сильнее, что НАШИХ в их городах – уже слишком много...

Ал. Анненский

*Опубликовано с сокращениями в газете «ИЗВЕСТИЯ» 22 июля
2000 года*

P.S. Через пять лет прием Германией наших эмигрантов был фактически прекращен. Так что невысказанная в то время идея – прямо в ОВИРЕ кое-кого награждать медалями «За освобождение Москвы» или «За освобождение Одессы», а уж по приезде в консульстве вручать награды «За взятие Берлина, Мюнхена» и т. д. – теперь реализована уже быть не может...

Теперь я Чебурашка...

Про Чебурашку

Мой муж иностранного происхождения до тех пор, пока не запомнил имя любимой игрушки своей дочери, называл ее просто – «русский греmlin».

А что, похож...

* * *

Случилась эта история в 2004 в Китае на выставке. Поехали мы туда вчетвером, т. е. я с напарником (ужасный матершинник) и еще два чела (своего рода коллеги). Отмечу, что все – бывшие спортсмены, я в этой четверке оказался самым маленьким, несмотря на свой рост в 180 см и карьеру штангиста в молодости (но с одним преимуществом – *English* знал только я). Началось все с прибытия в аэропорт. Прилетевших из бывшего СССР попросили проследовать за высокой китайкой... В наших рядах начинается истерика – все смотрят под ноги и подшучивают над тем, как бы не наступить.

Через несколько секунд смех переходит в шоковое состо-

ание... Появляется ОНА – на каблуках, под 190 см – и, хотя с акцентом, но все же на русском просит пройти за ней. Всякое видели, но такое...

Заселились мы в *hotel*, все путем. Гуляем по выставке, ну и как это часто бывает, приперло моего приятеля по-маленькому... Он уходит по нужде, а я остаюсь его ждать недалеко, читая какой-то каталог... Дальше – картина: бежит мой приятель ко мне и, оглядываясь, кричит:

– Пидарасы!..

Он пролетает мимо меня и, также оглядываясь, улепетывает подальше от общественного туалета. Меня пробирают сомнения, и я осторожнодвигаюсь в сторону приятеля. На вопрос «что случилось?» слышу:

– ...только пристроился и ожидаю надвигающееся чувство эйфории, как вдруг подходит ко мне местный *policeman* и, не скрывая своего явного интереса к моей «собственности», начинает так откровенно ее рассматривать, потом смотрит на меня, улыбается и продолжает осмотр... Я даже забыл зачем пришел...

Бедный мой приятель, он категорически отказался ходить в китайские общественные туалеты и справлялся только в номере...

Во время нашего пребывания научил я его некоторым стандартным фразам, так что на выставке он себя начал чув-

ствовать как рыба в воде. Однако здесь была одна характерная для китайского бизнеса черта: они никогда не дадут каталог со своей продукцией, пока не получат взамен вашу визитку, *business card*, или *name card*. Об этом я приятелю сказать забыл.

Ввиду его самостоятельности и возможности хоть и примитивно, но общаться с братьями нашими меньшими на английском в тандеме с жестикуляцией оставляю его и начинаю заниматься своими делами, при этом всегда держа его в поле зрения – чтобы не потеряться. Через некоторое время слышу, как мое имя разносится над всей выставкой в безумном крике, – делать нечего, иду на подмогу.

Наш диалог:

Я: Че орал-то?

Он: Попросил каталог, а она не дает – ни х...я не пойму, че этой дуре надо. Я рассказал ей все, чему ты меня учил (*Can you give me the catalogue with your products... I from... My name is.... I work for... etc.*)

Я обращаюсь к девушке с вопросом, в чем, мол, дело-то?

Она: *Your name card please.*

Я начинаю просто «ржать» и сквозь слезы говорю корешу: мол, визитку просит...

Он: Ё...ная дура, сука тупая, убил бы... – ну и т. д.

Наконец мой приятель положил визитку на стол, взял интересные его каталоги, посмотрел на прощание грозным взглядом и удалился. Вид у этой девушки был такой, как буд-

то ее несколько раз стукнули, а потом она увидела динозавра, – она просто онемела и застыла...

Ближе к вечеру встретились с двумя другими приятелями и пошли перекусить в местный ресторанчик. При нашем появлении воцарилась тишина, что нас немного удивило, но ненадолго. К нам подошел официант, чтобы проводить за свободный столик. Этот официант был ниже меня более чем на голову и более чем на две – моих приятелей. Мы тут только и поняли причину удивления.

Ну, решили мы отдохнуть, как говорится, от души. Около трех часов мы ели, пили и – как следствие этого – в конце концов спели «Ой мороз, мороз...» Все это время весь ресторан глазел на нас. Когда мы уходили, раздался такой гул аплодисментов и комплиментов, что вы, мол, лучшие наши клиенты и т. п. Так стало приятно, что мы хоть и из бывшего, но СССР.

Дней через десять начали засматриваться на местных девушек, хотя до этого просто и не решались, да и шарахались от их внешнего вида, а уж вступить с ними в диалог...

По отъезду на родину решили затариться местной водкой. Купили 24 бутылки (друзей угостить, ну и себе...) Для тех, кто не знает: через КПП можно провозить только 2 бутылки – и то в багажном отделении. Мы же смогли уговорить местные власти порядка пропустить нас, и при этом они не

взяли с нас никакой мзды. Когда вернулись домой и увидели приятные лица наших милых девушек, то начали вертеть так быстро головами, что чуть не потеряли их по дороге домой...

По приезде на родину гуляли неделю, наслаждались обществом наших милых дам и вспоминали китайских братьев меньших...

* * *

Вспомнил тут байку про «аусзидлеров» (русских немцев в Германии) – недавно мне рассказали. Надо заранее сказать, что большинство переселенцев имеют проблемы с немецким, что и немудрено, если учесть, что зачастую у жены-немки муж является стопроцентно русским (казахом, украинцем и т. д.) или наоборот. Вот о такой паре и пойдет речь.

Жена мужа пилит: мол, везде все я хожу, проблемы все я решаю, а ты дома все отсиживаешься, даже в магазин сходить один не можешь. Ну мужик и пошел в магазин, а купить надо было свиные ребрышки, которые он благополучно купил и принес домой.

На вопрос жены, мол, как ты без знания немецкого ребрышки-то купил, гордый муж показал наглядно, как все происходило, – задрал рубаху и тыча себе пальцем в ребра произнес:

– *Diese von Schwein!* (что в переводе означает «Эти от свины!»)

Жена начинает хохотать, причем самозабвенно и до слез. На вопрос мужа, чем вызвана такая истерика, она сквозь су-дороги смогла произнести:

– А если б я тебя за ЯЙЦАМИ послала?!!

* * *

Австрия, город Вена. Чудесное утро. Подхожу к киоску с цветами и вижу, что два негра безуспешно пытаются что-то объяснить по-английски продавцу-иранцу. Тот только разводит руками – не понимает и все. Тогда эти два негра просят меня перевести с английского на немецкий. Я перевожу. Продавец, видимо по акценту, догадывается:

– Из России?

– Да...

– Можэтэ гаварит по-русски. Я панимаю!

Тут же в наш диалог вклиниваются мои негры:

– Да, да! Мы тоже учили русский языка!!! Товарищ пра-давец, хочу покупать этот и тот цветы...

Больше я им не был нужен. Нашли они общий язык.

* * *

Реальная история произошла с моим знакомым, который недавно приехал в Штаты и английского толком не знает.

При входе в метро он взял бесплатную газету (на английском языке, конечно), которую обычно раздают как рекламу. Пока ехал, разглядывал картинки – создалось ощущение, что читает. Неожиданно кто-то его о чем-то спросил на английском языке. Он, недолго думая, ответил:

– *I don't speak Russian.* (Я не говорю по-русски...)

* * *

Я по образованию – помесь философа с культурологом. Иногда сижу в чате, общаюсь с иностранными коллегами. И как-то речь зашла о манускриптах в целом и о «Ключиках Соломона» в частности. Для тех, кто их не видел: это текст по церемониальной магии, между прочим имеющей дело с ангелами.

Диалог в чате с коллегами (К):

Я: Я уверена, этот текст – русская шутка!

К: Почему?

Я: Только русские могли ТАК назвать одного из ангелов!

К:???

Я: Ангел Заимель, Ангел Моисеевого Жезла.

К (естественно): А что такое *Zaimel*?

Я: Ну... Это... Как вам объяснить... Значит приблизительно... обращение сексуального партнера ко второму партнеру мужского пола с намерением проинформировать его про чрезмерно продолжительный сексуальный контакт.

Иногда используется просто в значении «надоел».

В чате минута молчания. После чего кто-то выдает:

– А у вас, что, для такого есть СЛОВА?

Я поспешила их заверить, что есть еще и не для такого...

* * *

За давностью истории могу теперь ее рассказать.

Дело происходит в Америке. Мой знакомый – назовем его Вася – глубокой ночью и в пьяном состоянии ехал домой. Ему приспичило в туалет, по-большому. Вокруг все закрыто, никаких лесов и укромных мест нет – одни частные домики. Тут он видит, что на частном подъезде у одного из домов припаркованы два больших внедорожника. Он припарковался на улице и между двумя внедорожниками сделал свое грязное дело...

На следующее утро у него звонит телефон, на другом конце провода незнакомый голос:

– Алле, а Васю можно?

– Вася слушает.

– Пишите адрес: улица такая-то, дом такой-то...

– Для чего адрес?

– Сейчас поймете. Записали адрес?

– Записал.

– Значит так: сейчас вы по этому адресу приедете, отмое-те ваше дерьмо от моего асфальта, и, смотря на ваше поведе-

ние, я подумаю, отдавать вам ваш БУМАЖНИК или нет...

* * *

Звонит телефон, хватаю на автомате. Женский голос привычным тоном снабженца с прямым вопросом сразу:

– Это Уралпромавтоматика?..

Мой ответ такой же скорый:

– Нет, вы ошиблись!

Кладу трубку с выдохом «дура!» – сразу же просыпаюсь от потока вопросов... Почему в 3 часа ночи? Почему спрашивали на русском языке? Почему на мобильный? И, в конце концов, почему для этого надо звонить в Калифорнию?..

* * *

Я учусь в Гарвардском университете и между делом нахожусь в составе университетской команды по фехтованию.

На первом курсе всем спортсменам надо было пройти детальную медкомиссию. Обязанности были распределены между врачами непонятным образом: в том же кабинете, где у меня измерили давление, мне залезли и трубкой в уши. В общем, в середине медосмотра я очутился в кабинете с симпатичной женщиной-врачом, которая, прослушав мою грудную клетку, попросила меня спустить штаны.

Когда я выполнил ее просьбу, она натянула резиновую перчатку, решительным движением схватила меня за мое «хозяйство» и начала его осторожно щупать. Очевидно, она проверяла наличие у меня обоих яичек и отсутствие паховой грыжи... Продолжалось это довольно долго... После того как она меня отпустила, у меня совершенно непроизвольно выскакивает изо рта:

– *Thank you.*

Чтоб вы только знали, с каким выражением лица она на меня посмотрела...

* * *

Вчера муж рассказывал. Их коллега-американец женился на русской девочке. И очень проникся русским духом. Конфеты признает только русские, отоваривается в русском магазине, на знакомых американцев с нерусскими женами смотрит свысока. Теперь осваивает русский мат – благо русские товарищи всегда рады помочь...

Вчера передал, что его жена очень сердита на моего мужа и еще одного русского коллегу. А рассердилась она после того, как супруг похвастался новым выученным словом – «б...дь».

– Что же они тебя хорошим словам не учат? – вскричала несчастная.

– Как же, учат. Вот хорошее слово – «пи...ц»!

Вместо эпитафии.

Спросил как-то Бог у русского, украинца и еврея:

– Как бы вы жили, если бы вдруг стали королями?

Русский ответил:

– Ну, заказал бы себе из подвалов дворца ящик водки, закуски бы разной и жил бы как король!

Украинец:

– А я бы нарезал сала ломтями, взял бы четверть горилки и жил бы как король!

Еврей:

– А я бы вечерами еще немножко шил и жил бы лучше, чем король...

Ну, блин, как-то стыдно об этом рассказывать... Ну да ладно. Короче, купил я подержанную машину, не смейтесь пока. «Форд Меркурий Гранд Маркиз» 1987 года. Смеяться еще рано – я скажу, когда надо будет.

Еду на работу как-то утром, и вдруг этот мустанг останавливается. Просто глохнет и не заводится. Да не где-нибудь, а на Манхэттенском мосту, на самой середине, в правой полосе. И не когда-нибудь, а в час пик. А там круглые сутки пробка, а в час пик вообще машины двигаются по дюйму в час.

Мгновенно позади выросла пробка на несколько миль. Я позвонил в автомобильное общество, там сказали: скоро «трак» подойдет, вытащит тебя. Я сижу в машине, «трака» жду.

И вдруг замечаю: что-то не то творится... Каждая машина, объезжающая меня слева, считает своим долгом притормозить, и водители откровенно меня разглядывают и просто заливаются от смеха. Я ничего не понимаю. С кем не бывает? Полно машин на дорогах встает, и ничего необычного или смешного в этом нет. Я бы скорее понял, если бы они начали меня матом крыть или пальцы показывать, но смеяться?

Тут прибывает «трак», водитель начинает также просто укатываться.

– Не часто, – говорит, – такую знаменитость увидишь... Дам тебе скидку 15 процентов, уж больно ты тут всех развлекаешь классно.

Я, все еще не понимая, спрашиваю у него:

– Да в чем дело? Чего это все так подрываются? Что тут смешного?

Он вообще в истерике забился, с трудом выговорил:

– Радио... включи радио... – и снова под «трак» упал.

Я включаю радио – там как раз про ситуацию на дорогах докладывают. Звучал отчет примерно так: «Тот мудака, что продает свою машину на Манхэттенском мосту, еще ее не продал. Машине около 300 лет, и очередь желающих посмотреть на нее достигла 4 миль. Если вы не любитель ста-

рины, объезжайте это место по Бруклинскому или Вильямсбургскому мостам. Владелец машины, если вы нас слышите, позвоните к нам в студию и вы получите бесплатный билет на бейсбольный матч. У нас как раз был кризис жанра, и вы помогли нам решить эту проблему».

Я выскакиваю, оббегаю машину, и за задним стеклом вижу мое объявление о продаже. Да только оно сползло немного и закрыло часть там же мною присобаченной питерской юбилейной наклейки. А все вместе читается так: «ПРОДАЕТСЯ, В ХОРОШЕМ РАБОЧЕМ СОСТОЯНИИ. ЮБИЛЕЙ – ТРИСТА ЛЕТ...»

А на студию я не стал звонить. Не люблю бейсбол – скучная игра.

* * *

Смотрели мы как-то в одном баре в Праге хоккей. Помому, из Солт-Лейк-Сити, когда русские играли с Канадой. Сидели мы перед самым полотном. Надо сказать, что в Праге в барах довольно часто можно встретить полотно с проектором как раз для просмотра хоккея. Так вот, сидим мы впреди, а сзади сидят то ли канадцы, то ли американцы. Уже где-то в конце игры один из них подпрыгивает и кричит:

– *FUCK THOSE RUSSIANS!!!*

Мы все как один оборачиваемся назад (нас было больше), и вдруг второй канадец говорит, тыча пальцем в кричавшего:

– *IT WAS HIM, IT WAS HIM!* (Это он сказал, это он...)
Друзья они, наверно.

* * *

В 1985 году я был студентом в Индии, и время от времени меня припрягали работать с разными делегациями. И вот была футбольная команда. Забыл какая. И по ходу дела пошли за покупками. Тогда в СССР в дефиците было очень многое, а многого не было вообще. Покупали в основном джинсовую «варенку», кожаные изделия, недорогую ювелирку, а также аптечные товары: кондомы (гондоны), травку «Пали-Пали», мазь «Гемкалин» (для эрекции) и таблетки «Тентекс форте» (для потенции), ну и прочее. И вот пришли в аптеку, и мужики просят, чтоб я потребовал презервативов с усами. Я и слово «*condome*»-то забыл, а уж как эти усы на научном языке называются, и не слышал. Стал долго описывать изделие: мол, такой резиновый мягкий чехольчик для безопасного соития, но он должен еще иметь своеобразные выступы...

Продавец (индиец, разумеется) слушал-слушал, да и переспрашивает:

– *Do you mean a «gondon s usami»?*

Все футболисты легли... Как выяснилось, аптека была недалеко от посольства и продавцы знали по-русски наименования наиболее ходовых товаров...

Сегодня утром я резал колбасу на бутерброды. Мой нож оказался затупившимся куском плохой стали. Я безуспешно искал глазами брусок, вспомнил, что я в Берлине, и забил на это дело. Бутерброды с колбасой, пожеванной ножом, по вкусу ничем не отличаются от обычных. Я решил оставить нож в покое. Но вот позднее захотелось сделать себе обед. Мясо там, картошечка, соленые огурчики. Сверху много укропа и запотевшая бутылочка водочки неподалеку, чтобы можно было рукой дотянуться не вставая. Обед простого русского обормота, живущего в Берлине. Приготовления заняли не более десяти секунд. Я выложил все это на стол и с тоской посмотрел на нож. Представил себе соленые огурчики, смятые в кашу. И затосковал. Пойти на святотатство я не мог, поэтому взял нож и поплелся к соседу за точилкой.

Не учел я одного... Сосед снизу – турок, с соответствующими понятиями. И как раз накануне вечером у них была вечеринка. Шумная, закончившаяся далеко за полночь. Он же не знал, что потревожить мой сон завываниями магнитофона непросто... И я этого не учел. Я спустился на этаж и позвонил в дверь. Открыл мне заспанный персонаж с всклокоченными волосами и в пижамной рубашке. Он посмотрел на меня, потом перевел взгляд ниже. И увидел в моей руке предмет, подходящий под описание холодного оружия – с

клинком длиной в двадцать с лишним сантиметров и с желобком для оттока крови.

Турок затосковал, и это отразилось в его взгляде. В моем же взгляде ничего не отразилось, кроме прежней решимости поточить нож. Тут необходимо сделать отступление. Я не совсем свободно говорю по-немецки. Но очень слежу за грамматикой. Поэтому фразы произношу неестественно напрягаясь. Взгляд мой, наверное, деревенеет. Руки самопроизвольно сжимаются в кулаки. Я бросаю все силы на грамматику. И вот я – с одеревеневшим взглядом, с зажатыми кулаками, со взбухшими от напряжения венами, с ножом – с раннего (по представлениям этого несчастного турка) утра стою на пороге. Молчу... Для полиглотов: я просто обдумывал построение фразы «разрешите заточить нож» так, чтобы она выглядела безупречно даже с точки зрения прожженного стилиста. Но турок этого не знал. И он спросил меня, бросив совершенно обезумевший взгляд на нож:

– Простите, мы, что, так громко вчера пели?

* * *

Захожу в одной далекой стране в бар. Над стойкой – вывеска.

Прочитал и в осадок выпал! Знаете табличку «Осторожно, злая собака»? Так у них было написано: «ВНИМАНИЕ! У НАС РУССКИЙ ОХРАННИК!»

Думаю: дай-ка проверю... А как? Не орать же на весь бар по-русски, неудобно...

Достал сотовый, а у меня есть мелодия звонка, всем знакомая, – «Катюша», – ну я ее и включил... Точно, на первых же тактах выскакивает брат-славянин, этак на соточку тяжелей меня... Земляк оказался, тоже питерский!..

* * *

Русского за границей легко вычислить. Ну такие уж мы колоритные, что поделаешь. И вот в Штатах я вижу: стоит в магазине русский. Я к нему подхожу и спрашиваю на английском:

– Вы русский?

Он говорит:

– НЕТ!

Я невзначай бросил:

– Ну и дурак! – уже по-русски.

Самое смешное – это то, что он обиделся и кинул мне вслед:

– Сам дурак! – на чистейшем русском.

* * *

Бруклин. Русскоязычная адвокатская контора, помогаю-

щая, соответственно, нашим иммигрантам оформлять разные документы. В одной из анкет есть серия проверок на вшивость: сидели ли вы в тюрьме, употребляли ли наркотики, пытались ли перейти границу и т. п.

Эту анкету приходит заполнять бабушка лет 90, при этом, что приятно, не впавшая в маразм. Служащая конторы, следуя инструкциям, честно задает вопросы и записывает ответы.

– Обвинялись ли вы в каком-нибудь преступлении?

– Нет.

– Распространяли ли вы наркотики?

– Нет.

– Занимались ли вы когда-нибудь проституцией?

– Ой, деточка, НЕ ПОМНЮ!

* * *

Как-то мы с подругой решили съездить в Париж... Куда бы мы ни пошли, везде нас встречали неприязненные взгляды клерков, продавцов, прохожих. Было заметно, что мы, русские, раздражаем французов, чтобы мы ни делали.

И вот в один из дней моя подруга решила сгонять по магазинам. Она вошла в какой-то интересно выглядящий магазинчик и оказалась там единственным покупателем. Пока она разглядывала одежду, продавец крайне недовольно разглядывал ее. Затем он подошел и в очень недружелюбной ма-

нере поинтересовался, может ли он ей чем-нибудь помочь. За эту поездку мы обе привыкли к всеобщему недовольству нами, так что подруга достаточно вежливо ответила, что нет, спасибо, она уж сама как-нибудь.

Через пару минут подруга заметила, что абсолютно все служащие магазина не сводят с нее глаз... Возмущенная таким неприкрытым национализмом, она принялась разглядывать и ощупывать одежду еще усерднее – уже не из интереса, а из ответной вредности. Тем не менее, минут через 20 ее все это окончательно достало, и она, хлопнув дверью, вышла из магазина.

И, лишь выйдя и гневно оглянувшись, она увидела над магазином надпись «ХИМЧИСТКА»...

* * *

Рассказала жена со слов помпейского гида.

Среди живописных руин славного города Помпеи, бродя от стен одного публичного дома к развалинам другого и с интересом разглядывая фаллические указатели к жилищам жриц любви, две дамы из Питера обмениваются впечатлениями:

– Ну до чего ж развратный был город! Правильно Бог его сжег!

– Сплюньте! А то нам некуда будет возвращаться...

Эту историю рассказала мне одна моя знакомая, которая работает в Германии переводчицей. Но сначала я должен кое-что разъяснить. Моей приятельнице часто приходится переводить для так называемых «беженцев» с территории всего бывшего Советского Союза. Им в пересылочном лагере нужно сначала пройти собеседование и ответить на вопросы немецкой иммиграционной службы типа «По каким мотивам вас преследуют на родине?» и «Зачем приехали в нашу красивую страну?» Язык межнационального общения со всеми бывшими советскими – русский. Надо сказать, что в Германию приезжают обычно чисто по экономическим соображениям, но, чтобы остаться хотя бы ненадолго, причину надо придумать политическую – и покруче. Но вот причин этих с распадом Союза как бы больше нет, и новоявленным солженицыным приходится искать другие мотивы.

А Германия, как и бо2льшая часть свихнувшейся Европы, тоже теперь активно выступает за защиту прав голубых, розовых (лесбиянок) и прочих там зеленых. И тут прошел слух в лагере для беженцев, что для того чтобы остаться в «Дойчланде», нужно всего лишь обладать сексуальной ориентацией, за которую еще есть соответствующая статья в Уголовном кодексе нашей страны. Как эту ориентацию доказать – простите, не знаю. Может, там они следственный экспери-

мент ставят...

Ну так вот что произошло. Вызывают мою знакомую переводить собеседование для очередного преследуемого лица. Ну пришла она, а в кабинете уже сидит скучающий полицейский, который это собеседование и должен проводить. Вызывают беженцев – в комнату входит мужчина, за которым покорно семенят жена и трое ребятишек дошкольного возраста, прибывших из одной солнечно-нефтяной кавказской республики. Семья явно простая и интеллектом не изуродованная. Мужика условно назовем Махмуд. Теперь само интервью.

Полицейский:

– Почему вы решили приехать в ФРГ?

Махмуд важно так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.